

Юрий Копылов

Домбайский
вальс

Юрий Копылов
Домбайский вальс

«Автор»

2017

Копылов Ю. А.

Домбайский вальс / Ю. А. Копылов — «Автор», 2017

Это немного смешная, немного грустная история, которая случилась на Домбайской поляне, в одном из замечательных уголков Северного Кавказа. Книга имеет прамбулу-предисловие и эпилог-послесловие.

© Копылов Ю. А., 2017

© Автор, 2017

Пролог-прелюдия

Какая прелесть эта Домбайская поляна! Вот уж поистине райский уголок, спрятанный в горах матушкой-природой. Окружила её неприступными горами, чтобы не пускать сюда людей. А они всё равно лезут и лезут, падкие на красоту. И везде производят мусор, губят вековые деревья, безобразия всякие нарушают. И всё норовят забраться повыше, будто им там мёдом намазано. И ничто их не может остановить. Вон пустила природа-мать людишек в Приэльбрусье, поглядите теперь, во что превратились эти заповедные места. А Красная поляна! Теперь, увы, там нет природы.

Из трёх известных мне полейн – Красная, Ясная и Домбайская – мне всех ближе Домбайская. Я прожил там два года и долго помнил каждую тропу, каждый камень, каждый поворот, каждую вершину. Теперь уж всё забыл, старость не радость. Но помню одну смешную, грустную, потешную, нелепую, возможно, придуманную историю, которую мне рассказывали старожилы. «Порой опять гармонией упьюсь, над вымыслом слезами обольюсь», – говорил Пушкин. Я не смею себя сравнивать с великим поэтом, но согласен с ним, робея перед ним, что искусный вымысел может быть правдивее, чем оно было на самом деле. Вот она эта история.

Погода как будто умела соображать, она тогда вздумала подражать человеку и съехала с катушек. Мороз стоял шибко дикий для этих мест, да ещё вдобавок крепчал, собака. Хотя холодное время вроде бы клонилось к весне, когда начинались весёлые зимние студенческие каникулы. Воздух был недвижим, густ и, казалось, остекленел от удивления. Снег, лежавший угрюмыми пухлыми шапками на крышах домов и сараев, огромными шляпками сказочных грибов на почерневших скальных камнях, где альпинисты осваивали азы скалолазания, застывшими комьями на хвойных лапах могучих сосен, пихт и елей, а также на сохранившихся с осени разлапистых листьях гигантских чинар, пребывал в растерянности. Он не знал, как ему быть. То ли пора готовиться к образованию глубинного рассыпчатого инея (так называют его гляциологи) и покрываться к радости горнолыжников зернистым склизким настом под лучами задержавшегося горячего солнца, то ли продолжать безнадежно стыть на лютom морозе.

От замедливших своё обычно стремительное журчащее течение сливающихся на Домбайской поляне в единое русло прозрачных горных речек Алибек и Аманауз, силившихся по наивности укрыться ломающимся тонким льдом, похожим на оконное стекло, поднимался густой пар. Как будто дело было не в лютую стужу, а в жаркой и душевной парилке в бане. Морозный пар сгущался в туман, и непрерывно текущей шумливой воде простодушно казалось, что под этим смешным одеялом ей станет немного теплее. У солнца даже в зените не хватало сил пробиться сквозь пелену тумана, его мощи хватало лишь на то, чтобы тихо выстраивать на заснеженной поляне слабые тени. Солнечный диск напоминал стёртую медную монету, и на него можно было смотреть, не щурясь, и без тёмных защитных очков.

Иногда сквозь туман, словно привидения, просвечивали горные островерхие вершины: Белалакая, Зуб Софруджу, Эрцог, Пик Инэ. Здесь можно отметить пример народной этимологии. На самом деле название горы по-карачаевски звучит как «Тикинэ», что в переводе на русский язык означает: «острый, как игла». Бывалые люди, насмотревшись иностранных глянцевого цветных журналов, говорили, что Белалакая похожа на Маттерхорн в Швейцарском Церматте. У некоторых хватало духу приврать, что Белалакая похожа на Маттерхорн один в один. А патриоты злобно ворчали: почему эта наша гора похожа на их гору, а не наоборот. Точку в этом глупом споре могла бы поставить геология Земли, ибо Альпы были намного старше Кавказа. Но патриоты не унимались: всё равно наш Домбай красивше и лучше. Это и дураку ясно, не говоря уж о толковом образованном человеке.

Минус тридцать пять градусов воздуха по Цельсию для Домбайской поляны было не то чтобы редкостью, а такого мороза вообще никогда не бывало. Во всяком случае, никто из ста-

рожилов или бывалых альпинистов припомнить такой исключительности не мог. На метеостанции, нашедшей себе приют вверх по ущелью, на стеснённой территории альпинистского лагеря «Алибек», был зафиксирован климатический рекорд. Семейная пара молодых метеорологов, обслуживающих станцию и проводящая здесь свой медовый месяц, увидела в этом рекорде вполне достойную причину, чтобы выпить ради согрева по стаканчику разбавленного речной водой казённого спирта в классической пропорции один к одному.

И здесь приходится затронуть скучную, на первый взгляд, тему индустриализации, точнее электрификации страны, ибо без неё дальнейшие события, описываемые в этой незамысловатой повести, станут не совсем понятными для продвинутого читателя. Коммунизм, утверждал Ленин, есть Советская власть плюс электрификация всей страны. И спорить здесь, собственно говоря, не о чем. Правда, некоторые трусливые смельчаки набирались храбрости и переиначивали эту классическую формулу. И получалось вот что: «коммунизм есть электрификация всей страны минус Советская власть». От себя могу лишь осторожно добавить, что такое сложное понятие как коммунизм без Домбайской поляны будет не полным. Это всё равно, что счастье без любви или помидор без соли.

Это было потом, когда повсеместно стали прокладываться на большие расстояния от производителя электрической энергии к её потребителям линии высоковольтных передач, так называемые ЛЭПы. А до этого во многих местах Кавказа строились небольшие гидроэлектростанции на горных речках. В основном для нужд местного лукавого населения, чтобы оно не сомневалось в преимуществах Советской власти по сравнению с отвергнутой царской. А также для альпинистских лагерей, так как альпинизм, наряду с другими прикладными видами спорта, всегда входил в круг приоритетных задач обороны в огромной стране, окружённой врагами, и поэтому постоянно готовящейся к войне. Эти станции так и назывались, не мудрствуя особо, «Малые гидроэлектростанции», или, по тогдашней моде всему присваивать загадочные аббревиатуры для соблюдения строгой секретности, МГРЭСы.

Одна из таких станций была расположена на знаменитой Домбайской поляне и была построена ударным «стакановским» трудом во времена усатого царя Гороха на реке Аманауз. Речка так себе, не особо большая, но текла быстро и во время таяния снегов даже ворочала со стуком крупные, окатанные камни размером с голову человека, а то и поболее того. Эту кинетическую энергию текущей речной воды люди научились превращать в электрическую. Технология этого дела была довольно простая, но, как и всякая технология, какую ни возьми, она требовала сноровки и соблюдения технологической дисциплины. Что касается сноровки, то её, как везде и всюду у русских людей, хватало с избытком.

А вот что касается технологической дисциплины, то в этом, казалось бы, простом вопросе возникала обидная закавыка. За русскими людьми испокон века тянулась слава отменных бездельников и лодырей. «Ещё чего! – говаривали знающие мастера. – И так сойдёт. Никуда не денется». Смекалистому мастерскому человеку всегда было проще придумать что-нибудь хитрое и заковыристое, чтобы обойти скучные правила, нежели их тупо соблюдать, как какому-нибудь, прости господи, германскому немцу. Не зря про русских людей говорится: голь на выдумки хитра. И то верно. Но что самое удивительное, многое и без соблюдения технологической дисциплины исправно работало. Верно, до поры до времени. То есть не всегда. И тогда возникало ещё одно характерное изумление: «Вот, поди ж ты, ёлки-моталки! Каждый раз на эфтом месте!»

На Домбайской МГРЭС, сколько помнится, мотористом служил механик Лёха Липатов, молодой, не особо сильно пьющий парень примерно тридцати с лишком лет. С ним вместе проживала в тесной коморке при машинном зале толстая деваха Тоська. Она не отличалась сильной женской красотой, но зато страсть как была охоча до обнимания в голом виде с мужиками, разделяя с ними то, что называется любовными утехами, и способна была предаваться этим утехам без видимого утомления денно и нощно, чем особенно привлекала Лёху. Люби-

теля этого дела. Он считал, что половая любовь человека самое главное в жизни. Возможно, он прав. По старинке любовь мужчины и женщины называлось соитием. В этом слове угадываются: слияние, соединение, совокупление. На медицинском языке оно звучит не так красиво: коитус. Вроде кактус. А на языке Лёхи Липатова как-то немножко хулигански и грубо: трах, трахнуть. Лёха обожал разные позы и имел для них собственные названия, вполне пригодные для российской Камасутры. Например, классическая поза «дама снизу» у него называлась «цыплёнок табака», а примитивный «рак» приобретал схожесть с греко-римской борьбой и назывался «переводом в партер». Если дама оказывалась сверху, это называлось «наездница» или «амазонка». Надо сказать, что Тоська хорошо понимала этот язык и охотно отзывалась на Лёхины домогательства, что однажды привело к аварии на Домбайской МГРЭС.

Вот на этой тревожной фразе можно, пожалуй, завершить прелюдию-пролога к дальнейшему изложению хода важных событий.

Всё, что изложено выше словами на бумаге (возможно, не очень складно), можно, как мне кажется, выражаясь языком художников, сравнить с подмалёвком, намазанным по холсту жидкими красками, ибо проза и живопись являются близкими по духу формами изображения жизни. Теперь можно приступать к накладыванию сочных мазков разными красками, ориентируясь при этом на различные фоны подмалёвка.

I

Вдоль увалистой узкой кольцевой дороги, наезженной и натопанной вокруг Домбайской поляны, перемещалась со скоростью пешехода местами заметно выгоревшая на солнце альпинистская пуховка спецзаказа советского шитья. Когда-то, в дни своей далёкой молодости, она была свежего тускло-малинового цвета и являла собой острый дефицит. Пуховка была равномерно простёгана крупными тугими квадратами, но, как видно, руки у мастеров, шивших такие завидные носильные вещи, росли не из плеч, как положено для всех нормальных людей, а из места, расположенного чуть ниже спины.

Я не решаюсь назвать это место своим настоящим именем, дабы не прослыть сквернословом и грубым невоспитанным человеком и не отпугнуть чувствительного читателя, и в первую очередь милых моему сердцу читательниц, от дальнейшего прочтения этой незамысловатой повести.

Скоро нитки, которыми простёгивалась пуховка, во многих местах перепревали, и дорогой гагачий пух почти беспрепятственно, но постепенно проседал в рукавах к вязаным манжетам, а в основной (туловищной) части – к местам, прикрывающим поясницу и низ живота, где был пришиты два неудобных плоских кармана, в которые затруднительно было вложить даже коробок спичек. А в них в горах часто бывает нужда.

Со временем пуховка начинала выглядеть таким нелепым кринолином с разбухшим коротким подолом. Для поясницы это было неплохо, зато для плеч и верхней части груди и спины прескверно, ибо ушедший вниз пух оставлял после себя своеобразный «мостик холода», от которого альпинисты, находясь на опасной для жизни высоте во время восхождений, легко получали воспаления лёгких и не всегда успевали вовремя спуститься вниз.

Вместо воротника пуховка имела пухлый, словно накаченный воздухом капюшон с продетым по обводу контура шнурком для стягивания этого капюшона вокруг головы счастливого обладателя пуховой одежды. На свисающих кончиках шнурка были приделаны с помощью узелков маленькие пластиковые штуковины (в виде колокольчиков), не позволявшие шнурку в развязанном виде покидать место своего постоянного пребывания. При ходьбе эти колокольчики монотонно постукивали по грудной части пуховки, и по этому явственному стуку, хорошо слышному в стянутом капюшоне, как внутри звонящего церковного колокола, можно было считать шаги.

В пуховке, о которой я веду речь, в описываемый исторический период жизни временно обретался Натан Борисович Левич – директор главной туристической базы Домбая под названием «Солнечная Долина». Из-под капюшона, туго стянутого шнурком, выглядывал ворот толстого свитера, почти прикрывавший Левичу рот, из которого вырывалось наружу облачко тёплого дыхания, оседавшего под действием мороза на ворота свитера, ресницах и бровях Левича, краях капюшона и других близких к дыханию местах красивым игольчатым инеем. Натан Борисович смешно семеня короткими кривыми ногами, утеплёнными пуховыми штанами блёклого серого цвета (как видно, малиновых на складе альплагеря «Красная Звезда» не нашлось). Он был обут в высокие, военного образца, отриконенные ботинки (берцы с брезентовым верхом), густо смазанные гусиным жиром, оставлявшие после себя в утоптанном снегу характерные ноздреватые следы. Он то и дело старался забежать вперёд и выразительно размахивал короткими руками в тёплых меховых рукавицах с отделениями для указательного и большого пальцев.

Директора турбазы сопровождали два попутчика. Один из них, высокий, грузный, солидный, грозный, одетый в долгополую лисью шубу с высоким поднятым воротником и в дорожную пыжиковую шапку-ушанку со спущенными и подвязанными ушами и обутый в белые фетровые бурки на толстой подошве, шагал широко, свободно, уверенно, по-хозяйски, не ведая сомнений, как подобает крупному руководителю республиканского масштаба. Это был председатель Ставропольского краевого совета по туризму Григорий Степанович Лашук, съевший зубы на ответственной работе, приехавший на Домбайскую поляну на пару-тройку дней под благовидным предлогом личной служебной проверки финансово-хозяйственной деятельности в подведомственной ему жемчужине Северного Кавказа, имеющей славу уникального места не только в стране Советов, но и далеко за её пределами. На самом деле Григорию Степановичу Лашуку, уставшему от однообразной сидячей работы и приевшейся семейной жизни, захотелось немного отдохнуть от бюрократической жвачки, вкусно поесть и попить, немного загореть щеками и носом под горным солнцем. А то его молодую жену Веронику, недавно сменившую прежнюю приевшуюся и, увы, состарившуюся Марию Ивановну, ушедшую в развод вместе с двумя детьми, стала неожиданно беспокоить нездоровая бледность его одутловатого лица. Ещё, может быть, Григорий Степанович, в дополнение к вышесказанному, тайно надеялся, если повезёт, прищучить где-нибудь в тёмном углу зазевавшуюся туристку на предмет её красивого сексуального обольщения.

Вторым попутчиком Натана Борисовича Левича был прибывший только накануне из Москвы на работу в должности директора строительства крупного спортивно-туристического комплекса, о создании которого, по предложению Карачаево-Черкесского обкома партии, было совсем недавно, после долгой разнузданной волокиты, принято специальное постановление Совета Министров РСФСР, Андрей Николаевич Шувалов. Это был молодой человек примерно тридцати без малого лет от роду приятной наружности лица. Он был принят на возделенную им должность по протекции группы архитекторов Московского проектного института лечебно-курортных зданий, авторов застройки Домбайской поляны. С ними Шувалов познакомился и подружился два года тому назад во время совместной поездки в Закопане в составе специализированной профессиональной туристской делегации архитекторов-горнолыжников. Андрей Николаевич был обескуражен первым неожиданным впечатлением от знаменитого Домбая, этого райского уголка, встретившего его таким лютым морозом. Он был одет в лёгкую спортивную куртку на синтепоне (рыбий мех), брюки эластик и вязаную лыжную шапочку под названием «петушок», натянутую глубоко на уши. Он сильно продрог, зяб, постукивая против воли зубами, и усиленно работал пальцами рук в кожаных перчатках и, не переставая, шевелил в полуботинках пальцами ног, чтобы не допустить их крайне нежелательного и опасного обморожения. Он ещё не определился, с кем ему более выгодно идти в ногу, с Левичем или с Лашуком, поэтому машинально выбрал нечто среднее между мелкими шажками одного и

широкими шагами другого и шёл равномерно, пытаюсь в то же время изобразить, по молодости лет, независимость и внушительность подпрыгивающей походки. Этому, казалось бы, мальчишескому поведению молодого человека было определённое оправдание. Он чувствовал свою особость и значительность, поскольку, как ему представлялось, стоял во главе большого и важного дела, административно подчинялся напрямую Карачаево-Черкесскому облисполкому, а по партийной линии – обкому КПСС. Но в то же время он сознавал свою зависимость от руководителей туристических хозяйств, от которых ему в ближайшее время, по прибытию домашнего багажа, отправленного из Москвы малой скоростью, предстояло получить обещанное в обкоме приличное жильё и перевезти в Домбай семью. Кроме того, как он полагал, у Левича наверняка были установлены хорошие связи с руководством альпинистских лагерей, где Шувалов рассчитывал получить бесплатно альпинистское снаряжение, пуховую одежду и палатку «серебрянка».

Оба попутчика Натана Борисовича Левича большую часть пути помалкивали. Не столько из-за мороза, чтобы экономить внутреннее тепло и не выпускать его понапрасну наружу, сколько из естественного желания дать директору турбазы свободно выговориться, с тем чтобы узнать для себя что-нибудь новенькое, интересное и выгодное. У Григория Степановича для угрюмого молчания была ещё одна немаловажная причина. Его нижняя губа была такой толстой и тяжёлой, что, когда он, брызгая слюной, начинал говорить, она отваливалась вниз, к скошенному назад подбородку, обнажая при этом розовую, как свежая лососина, десну и корявые, подгнившие у корней зубы, обмётанные некрасивым налётом коричневого зубного камня.

Лашук и Шувалов, не сговариваясь, старались дышать через нос, выпуская при каждом выдохе, словно папиросный дым из ноздрей, облачко морозного пара, оседавшего на их лицах, шапках, воротниках таким же мохнатым инеем, как у Левича. Шаги попутчиков директора турбазы отдавались в морозном воздухе, скованном тишиной холода, вкусным скрипом, как будто кто-то невидимый под ногами у них грыз бледно-голубой кусковой сахар, который продавался в своё время в каждой лавке в виде удлинённых голов.

Если Лашук и Шувалов помалкивали, то Левич болтал без умолку, непрерывно. Казалось, он хочет за какой-нибудь час обхода поляны произнести вслух все слова, какие знает. Глаза Левича цвета грязного льда выражали страдание, зрачки расширились, тая в своей бездонной черноте тревогу. Он предпринимал смешные попытки забежать сбоку и вперёд, буксовал в снегу, отставал и снова семенил мелкими, сбивчивыми шажками чуть позади крупно и грозно шагавшего Лашука.

– Григорий Степанович! Дорогой мой человек! – восклицал Левич патетически. – Вы приехали не вовремя, клянусь вам, честное слово, ей-богу! Если вы не волшебник и не колдун, то я не знаю кто. Ещё каких-нибудь три дня назад, всего два оборота, – Левич попытался изобразить руками, как вращается в пространстве космоса планета Земля, – всё было, как в сказке, как в песне, как в поэтическом стихотворении – я знаю! Погода – изумительная, девяносто девять и девять... – Левич чуть было не упал, споткнувшись о вмерзший в снег камень. – Фу! Одышка, чёрт бы её побрал совсем! Куда ты молодость прежняя девалась?

Лашук чуть повернул тяжёлую свою голову вбок и назад, скосил строгие глаза, но ничего не сказал. Левич предпринял новую смешную попытку забежать вперёд. Он суетился, топтался буксуя в снегу несмотря на острые трикони на подошвах ботинок, задыхался, харкал, плевался, охал, картавил и отчаянно жестикулировал руками.

– Солнце – ослепительное! Небо, горы и всё такое. Голубой снег. Боже ж мой! Вы когда-нибудь видели голубой снег? Уверяю вас, вы никогда такого не видели. Это невозможно передать словами. Нужен Левитан. Не тот, который «Совимформбюро», а тот, который «Золотая осень». Голубой и розовый снег, синие тени. Порой фиолетовые. У меня – блеск! Девяносто девять и девять сотых. Всё работает, как швейцарские часы, всё исправно. Даже эта проклятая канализация. Счастливые улыбки девушек! Губы – кровь с молоком, зубы, бог мой, горный

хрусталь! Глаза – незабудки, ландыши, васильки. В книге жалоб и предложений – десятки благодарностей. Писать негде... Позавчера вы не приехали, у вас были другие важные дела – я знаю? А сегодня, нет, именно сегодня – вы здесь! Как колдун, честное слово...

Шувалов немного отстал. У него была странная манера, похожая на наваждение, – разгибать в кармане скрепки. И хотя было жутко холодно, он стянул с руки перчатку и засунул озябшую руку в карман. Скрепки он не нашёл и расстроился, как будто потерял что-то ценное и важное для жизни. Если бы у него кто-то спросил, зачем он разгибает скрепки, когда они у него есть в кармане, он бы не нашёлся что ответить. Не задумываясь об этом, он прибавил шагу, чтобы нагнать ушедших вперёд Лашука и Левича, продолжавших один без умолку говорить, другой – тяжело его слушать.

Путники спустились вниз по наклонившейся полого замёрзшей дороге и попали на небольшой, заваленный слежавшимся снегом бревенчатый мост через прозрачную, как слеза, стремительную реку Алибек. На мосту, перегораживая почти весь проход по нему, от одних почерневших перил до других, стояла, будто вкопанная, живописная группа «разбойников», прозванных весёлыми туристами «святой троицей». Это было давным-давно, когда было ещё совсем тепло. Это был мохнатый ишак по имени Машка, обладатель большой, длинной, задумчивой морды, казавшейся необыкновенно умной. Морда была почти сплошь заиндевевшей от вырывающегося редкими порциями из влажных чёрных ноздрей пара дыхания. Иногда Машка вяло помахивала тугим хвостом с кисточкой на его конце, как у льва. В этом не было особой нужды в такое время года, когда все овода, слепни и мухи попрятались до весны на зимние квартиры. Но Машка всё же похлёстывала себя по впалым бокам, чтобы не разучится этого делать и использовать это умение, когда оно понадобится для дела. Так же редко она подрагивала своими длинными ослиными ушами, торчавшими как у насторожившегося зайца, надеясь таким смешным способом немного согреться. А может быть, она хотела что-то сказать попавшимся в засаду путникам.

Машка привыкла к людям и считала их хозяевами, которым она должна была служить верой и правдой. Она пришла на Домбайскую поляну сравнительно недавно вместе с партией бывалых геологов, для которых она привычно трудилась выносливым вьючным животным. Геологи выполнили свою работу, перепортили по ходу дела десятка полтора сговорчивых туристок, выпили всю привезённую с собой водку и уехали на попутной машине вниз, в сторону Карачаевска, а Машка осталась на потеху туристам. Вскоре она поняла, что её вьючная сила никому уж более не нужна и решила, что проще заняться разбоем. Со временем выяснилось, что Машка, вопреки кличке женского рода, оказалась не «дамой», а «жентльменом», у которого в один прекрасный момент, при свете яркого горного солнца и в окружении группы любознательных туристов, из надутого от обжорства живота, ближе к задним мохматым ногам, выдвинулась и повисла чуть ли не до земли длинная, с набалдашником на конце, чёрная влажная штуковина подозрительного назначения, вогнавшая присутствующих при этом знаменательном событии стыдливых туристок в краску смущения, смешанного с естественным молодым любопытством. Но кличка Машка так и осталась за ишаком, никто не захотел его переименовывать, все решили, что пусть будет смешно.

На широкой мохнатой Машкиной спине, как на пьедестале, сидела необычного вида большая ворона по кличке Филька, а рядом с короткими, словно раздутыми в коленках ногами ишака стояла и дорожала от холода собака Найда такой редкой породы, что даже обычное имя «дворняга» ей не подходило. Её морда сплошь заросла длинными, жёсткими, перепутанными волосами неопределённого грязного цвета, сквозь которые, как через сетку, поглядывали умные злые глаза. Надо ли говорить, что морда собаки тоже была покрыта густым инеем? Наверное, надо, ибо, в отличие от ишака и вороны (у которой инея вообще не было) волоски на морде Найды обледенели, превратившись в тонкие сосульки. Если бы люди имели такой острый слух, как у Мальвины или Пьеро из сказочного кукольного театра Карабаса–Барабаса, то они

могли бы услышать, как позванивают эти сосульки, когда Найда дрожала головой от холода. Но люди таким тонким слухом не обладали, поэтому музыкальное перезванивание ледышек они не слышали.

Когда и как Найда и Филька попали на Домбайскую поляну, никто толком не знал. На этот счёт ходили самые противоречивые смешные мнения, доверять которым безоговорочно никто не решался. Со временем оказалось, что Найда была не сукой, а кобелём, а птица была не вороной, а вороном. Если кто-либо из доверчивых читателей подумал, что ворон это муж вороны, то смею вас заверить, что он невольно заблуждается. В данном случае Филька является представителем совсем другой птичьей породы, нежели ворона, хотя в то же время они вместе принадлежат к одному семейству вороновых. У ворона больший, чем у вороны, размер тела и, соответственно, размах крыльев, большой толстый горбатый клюв, сплошь чёрное, как смоль, блестящее оперение с синеватым отливом и похожие на пуговицы глаза с чёрными умными зраками. Из всей этой забавной «святой троицы», подружившейся на почве разбоя, сиротства и тоски без подруг, Филька оказался самой колоритной фигурой, ибо он ещё до прибытия в Домбай был где-то и кем-то научен говорить скрипучим щёлкающим голосом, словно он грыз орехи, отдельные непристойные слова, похожие на человечьи. Это был широко распространённые в туристской среде слова из лексикона изящной матерщины, повергавшие застенчивых девиц в целомудренное изумление, а туристов мужеского пола – в безудержное веселие с неуёмным желанием обогатить Филькин запас слов новыми неприличными оборотами речи.

Вот с этой бандитской троицей и встретились на мосту наши путники.

Председатель Ставропольского краевого совета по туризму Григорий Степанович Лашук грозно нахмурился. Ему в последнее время ещё никто так вызывающе и твёрдо не осмеливался преградить путь. Он сделал неуверенную попытку обойти ишака Машку со стороны хвоста. Но хвост заработал часто-часто, как будто показывал какое-то предупреждение, намекая на особо прочные Машкины копыта. Собака Найда оскалила страшные жёлтые клыки и злобно зарычала. Машка задрала высоко верхнюю бархатную губу, хищно обнажив при этом похожие на густую речную, сине-розового окраса, тину дёсны с торчащими из них вниз длинными жёлто-коричневыми, будто прокуренными, зубами, подняла в небо свою тяжёлую морду и вдруг огласила Домбайскую поляну пронзительным, прерывистым, захлёбывающимся криком. Из паховой части живота у неё начала высовываться чёрная неприличная штуковина, напоминающая то ли змею, то ли кишку, то ли туго наполненный водой резиновый шланг. Завершая цирковое представление, Машка, не стесняясь присутствия высокого начальства, громко пукнула, выпустив с шипением из заднего прохода дурно пахнущий крепкий воздух, и посмотрела с интересом на самого большого из троих людей.

Филька наклонил с изящным поворотом голову, с мощным горбатым клювом, почти превышающим размеры его головы, посмотрел лукавым чёрным глазом на людей и неожиданно отчётливо прощёлкал внятным человеческим голосом, как будто это был Кащей Бессмертный:

– Уху ели? Дура, дура, дура...

– Эта шта такое? – спросил в растерянности Лашук, не понимая, как ему следует поступить в такой необычной ситуации; нижняя губа его при этом тяжело и обиженно отвалилась.

– Григорий Степанович, дорогой мой человек! – поспешил вклиниться в ситуацию Левич. – Не принимайте этот нелепый казус близко к сердцу, я вас умоляю и сердечно прошу. Я сей момент всё улажу, комар носу не подточит. Они, эта банда, чёрт бы их побрал, не тронутся с места, пока им не предложишь каждому по куску свежего хлеба.

С этими словами Левич нервно развязал шнурок, стягивающий на его голове пухлый капюшон, делающий его похожим на водолаза. Для этого ему пришлось стянуть с рук рукавицы. Расстегнул две верхние, подобные карандашным обрубкам, перехваченным посерединке тесьмой, точно пояском, застёжки-палочки, чтобы освободить длинный, по всему борту пуховки клапан, прикрывающий металлическую молнию с крупным зубом, приспустил мол-

нию и извлёк из внутреннего нагрудного кармана аккуратно отрезанный от свежей буханки ломоть ржаного хлеба. Левич разломил ломоть на три неравные части. Среднюю часть бросил собаке, она схватила его пастью на лету и мигом сожрала, практически не жуя. Меньшую часть ломтя Левич осторожно предложил ворону Фильке, хоронясь от его страшного клюва. Птица дёрнула головой, резко послав её вперёд, выхватила клювом предложенный ей кусок хлеба и тут же его проглотила. Немного подождав, не дадут ли ещё, и не дождавшись добавки, Филька прощёлкал грубо, как последний невоспитанный беспризорник двадцатых годов, живущий возле помойки, рядом с вокзалом на железной дороге:

– Пошёл на хер, зараза! Дурра, дурра, дурра...

Левич немного смутился, но сдержал себя, чтобы не наорать грубо на несознательную птицу. Самый большой кусок от ломтя хлеба он поднёс к морде Машки и проговорил заискивающе, одновременно отводя руку в сторону, прочь от моста:

– Пошли, пошли, Машуля! Не мешай людям идти своим путём. У каждого существа есть своя забота.

Вскоре путь через мост был свободен.

Когда путники преодолели этот злосчастный мост, Григорий Степанович с иронией в голосе мрачно проговорил с расстановкой слов, будто диктовал на машинку своей молоденькой новой секретарше:

– Итак, так! Мы без зазрения совести – кормим – непонятную – сомнительную во всех отношениях – скотину – советским хлебом. Выращенным тружениками аграрного сектора сельского хозяйства – на колхозных полях – в поте лица своего. Не покладая мозолистых рук. Не зная ни сна, ни отдыха измученной душе. А вы, уважаемый Натан Борисович – как я имел возможность в этом самолично убедиться на недавнем примере – хлебушком народным просто-напросто манкируете – без всякого мало-мальски к нему уважения. Да за такие дела недолго с партийным билетом распрощаться. Вот, понимаете ли, какое непростое дело вырисовывается. В полном своём ракурсе и последовательности событий.

– Помилуйте, Григорий Степанович! – воскликнул Левич. – Как вы можете такие страшные слова вслух произносить? Право, я сейчас сойду с ума от всего этого! Я вам ещё не успел всего поведать о свалившихся на меня в одночасье бедах, а вы мне ещё добавляете новых, чтобы у меня случился инфарктный разрыв сердца.

– Ничего, Натан Борисович, ничего, мой дорогой. За битого двух небитых дают. Вам что, неизвестно, товарищ Левич, что хлеб – это народное достояние? Это важнейшая скрепа нашего национального самосознания и исторического развития. Это вам не шутки с прибаутками.

– Не хлебом единым жив человек, – попробовал было вывернуться Левич, как будто он на боксёрском ринге в десятираундовом бою с превосходящим его силою соперником сделал нырок.

– Так-то оно так, да не совсем, – продолжил натиск Лашук, словно нанося удары с двух рук, идя на сближение. – Издревле народ на Руси отдавал хлебу низкий поклон. Можно сказать, до матушки-земли. Хлеб – всему голова, – говорили люди.

– Да какой там хлеб, Григорий Степанович! – верещал Левич, уходя в глухую защиту, прижатый к канатам. – Это же объедки, остающиеся на столах после туристов.

– Хм, хм! Вы только послушайте, что он говорит! Ничего себе объедки! Я видел, какой объедок ты доставал из кармана своей пуховки, – брюзжал Лашук, добивая своего противника неожиданным переходом на «ты». – И потом, Натан Борисович, что значит объедки? Сдаётся мне, что ты ничего не понял в политэкономии, когда учился в Высшей школе профдвижения. Я тебе сейчас расскажу притчу, и ты сразу всё поймёшь. Эта притча ещё с незапамятных времён царской белой армии, канувшей под натиском лет в Лету. Слушай! Приезжает в казарму пехоты проверяющий штабной офицер. Заходит в солдатскую столовую. Солдаты со своих мест повскакали, стоят, глаза таращат, кушают ими начальство. Офицер спрашивает у солдат: «Как

харч, братцы, хорош?» – «Так точно, вашество, хорош! Надо бы лучше, да некуда», – отвечают солдаты. – «А хлебушка хватает?» – «Хватает, вашество! Даже малость остаётся». – «А остатки куда деваете?» – «Доедаем, вашество, даже не хватает». Понял теперь, Натан Борисович, что такое остатки и что есть хлеб для нашего народа? Это тебе, братец, не фунт изюма.

– Так точно, вашество! – рискнул пошутить Левич.

– Смотри у меня! – погрозил пальцем в перчатке Лашук и изобразил на лице натянутую улыбку, с трудом подтянув нижнюю губу и водрузив её на своё прежнее законное место.

Этот разговор, конечно, происходил уже после того, как путники наши перешли по освободившемуся мосту через Аманауз.

II

Как только путники преодолели мост через Аманауз, а создавшие им нелепую засаду животные и редкая птица расправились с жалкими кусками ржаного хлеба, именуемого в народе «чёрным», бандитская «святая троица» вновь незамедлительно заняла на мосту засадную позицию в ожидании новых глупых лохов. Ворон Филька, ишак Машка и собака Найда давно потеряли надежду, что кто-нибудь из людей заберёт их к себе, и думали о людях плохо. В то же время они сознавали зависимость своей сиротской жизни от кусков хлеба, которые им давали люди не столько из любви к животным, сколько из удивления их дружбе и умению ворона говорить человеческим голосом неприличные слова.

За мостом дорога забирала вверх, путники участили шаг и дыхание морозного воздуха и стали немного согреваться после непредвиденной задержки на мосту. Шувалов сильно зяб и стал активно думать, чтобы согреться. «Этот Лашук – типичный держиморда, – рассуждал он в своей голове. – Вместо того чтобы удивиться, обрадоваться и даже восхититься подобным явлением животного мира, он развёл тут антимонию и турысы на колёсах. Ведь это же чудо какое из чудес, эта «святая троица»! Она будет привлекать туристов, прививать им любовь к животным. А он куска хлеба пожалел, Гобсек! Этот хлеб сторицей воздастся. Туристы вернутся домой, станут рассказывать свои детям об ишаке Машке, собаке Найде и вороне Фильке. Эти дети станут сознательнее, когда вырастут, будут бодрее строить коммунизм, который уже не за горами, а рядом. Пройдёт каких-нибудь двадцать лет, и он тут как тут, с пылу с жару. А эта губошлёпая держиморда ничего не понимает. Кусок хлеба пожалел для животного мира. Не хотел бы я, чтобы у меня был такой начальник, как этот Лашук».

Шувалову понравились его правильные мысли, он, как ему показалось, чуток согрелся и зашагал веселее, мурлыча что-то себе под нос.

– Итак, так, – сказал Лашук, обращаясь к Левичу, – когда я приеду сюда в следующий раз, чтобы этой бандитской троицей здесь даже не пахло, чтобы духу их здесь не осталось. Прогоняй их, куда хочешь. Туристическое заведение не зоопарк, а учреждение здорового образа жизни и физической культуры. Понятно тебе?

Левич озорно подмигнул Шувалову и бодро отрапортовал:

– Как скажете, Григорий Степанович. Всё будет исполнено по вашему крепкому слову. Для нас ваше слово – закон.

Шувалов в ответ хитро подмигнул Левичу и подумал: что закон? закон в России непреложен и неумолимо строг, но его строгость частично компенсируется необязательностью его исполнения. На том стояла и будет стоять великая русская земля.

Слева от дороги, спустившись к бурливой реке Алибек, нашли себе пристанище стоявшие в ряд несколько одно и двухэтажных зданий, сложенных из грязно-белого силикатного кирпича, что делало эти здания плохо видимыми в тумане. Это были: котельная с высокой железной трубой, прикреплённой к земле проволочными растяжками в два яруса, прачечная, душевая и два жилых дома для обслуживающего персонала. Здания проглядывали сквозь

туман едва-едва, как будто это были недодержанные снимки на фотобумаге, опущенные в проявитель. И сколько такую бумагу ни мори, сколько ни окунай её в проявитель, того, что уже проявилось, больше не прибавится. Возле котельной лежала занесённая снегом гора каменного угля, а из трубы понимался дым столбом, быстро исчезающий в тумане.

С этого места в ясную погоду открывается сумасшедший вид на ледниковое ущелье Алибек, зажатое с двух сторон необыкновенно красивыми заснеженными горами. С левой стороны, если смотреть вверх по долине, это зубчатые вершины Главного Кавказского хребта, среди которых выделяется «гордый красавец Эрцог». Вершины похожи на обнаруженные при археологических раскопках окаменевшие зубы хищного доисторического гиганта. С правой стороны горбатится тушей мамонта гора Семёнов-баши, густо заросшая, будто мохнатой шерстью, могучим тёмным лесом, выше которого раскрывается бело-голубая снежная зона альпийских лугов, как будто кем-то знающим и добрым приспособленная для восхитительного лыжного катания. Этой удачей не преминули воспользоваться лыжники из альпинистского лагеря «Алибек». Они карабкаются вверх по крутой тропе и там, где заканчивается лес, целый день без усталости уютят увалистые склоны, выметая из-под лыж снежные брызги.

При этом можно загорать под горным солнцем «мордой лица», чтобы получить ожоги и волдыри. А можно скинуть ковбойку, потому что на солнышке жарко. И это воспринимается молодыми людьми, не познавшими жизнь до её глубины, как счастье. И никого не смущает, что нет подъёмников и приходится десятки, а то и сотни раз пониматься в гору лесенкой, проскальзывая игриво лыжами, чтобы не налипал на них снег. Одновременно можно трепаться напропалую об интересных событиях жизни, смеяться, отпускать многозначительные комплименты улыбающимся девушкам, показывающим красивые влажные зубки, и весело и серьёзно обсуждать технику лыжного катания с хлесткими иностранными названиями: «оп-тракен», «годиль» и «христиания».

В конце ущелья, перегораживая его, лежит неподвижно массивная гора Сулахат, закрывающая, кажется, полнеба. Согласно преданию красивая девушка по имени Сулахат из племени доисторических гигантов, обитавших когда-то в этих краях, пожертвовала своим прекрасным телом и легла навеки, чтобы преградить путь злым ветрам в райский уголок. И очарованные зрители, приехавшие отдохнуть в свой законный отпуск или каникулы на Домбайскую поляну из степной России, из таёжной глухомани Сибири, из далёких городов и сёл, с удивлением и восхищением обнаруживают в очертаниях горы Сулахат ноги, живот, грудь и голову, растрёпанные волосы девушки. И говорят: а ведь и впрямь похоже – просто как живая.

Ах, Домбай, райское место, куда ни глянь, всюду жуткая красота, которую трудно передать словами. Но сегодня ничего не видно, потому что дикий мороз и туман, туман, туман.

От котельной к турбазе «Солнечная долина» проложена теплотрасса, но её тоже не видно, потому что она лежит в земле, хотя не столь глубоко, сколько положено согласно нормативу.

Лашук спохватился и подумал, что нехорошо разговаривать вдвоём с Левичем, а Шувалова будто нет с ними, и он спросил у него, отключив губу:

– С чего начинать планируешь, начальник?

– Я не начальник, я – директор, – ответил Шувалов, поёживаясь. – Начальником будет начальник участка от Главсочиспецстроя. Надеюсь, что это будет толковый человек и грамотный инженер. Я буду настаивать, чтобы он начинал строительство объектов из сферы инфраструктуры. К примеру, мосты и дороги.

– Это так, – сказал авторитетно Лашук. – Без этого в наше время никак нельзя. – Его длинное лицо вытянулось ещё больше, как будто он услышал для себя что-то обидное.

– Правильно, – сказал Левич.

Им обоим было хорошо знакомо это красивое слово, оно часто встречалось в газетах и произносилось по радио или телевизору. Оба в основном понимали его значение, но если бы

им довелось при случае растолковать его смысл, они испытали бы некоторые лингвистические затруднения.

– У меня для воздействия на подрядчика есть много рычагов: финансовых, проектно-сметных, процентовочных и так далее, но я почему-то уверен, что у меня с начальником участка сложатся дружеские отношения и не будет необходимости приводить в движение рычаги, о которых я только что сказал, – завершил Шувалов своё объяснение.

Навстречу путникам спустилась с пригорка, по которому шла дорога, группа весёлых туристов. Они шли, переставляя рядом с собой зажатые в левой руке лыжные палки, и несли на плече лыжи, придерживая их наперевес правой рукой. Лыжники только что покинули турбазу и ещё не успели замёрзнуть, поэтому оживлённо переговаривались.

– Здравствуйте, товарищи туристы! – громко проговорил Лашук и приложил ладонь в перчатке к своей пыжиковой шапке, как будто он принимал военный парад на Красной площади в день 1-го мая.

– Здравия желаем, товарищ генерал! – в тон ему прокричали туристы и весело рассмеялись.

Один из них, маленький, плюгавенький, рыжий, конопатый, не выдержал искушения и негромко произнёс, полагая, что это жутко смешно:

– Здравствуйте-здоровствуйте, гражданин начальник.

Никто не стал смеяться, решив, видно, каждый для себя, что смех без причины признак дурачины.

– Не боитесь замёрзнуть в такую холодрыгу, Юрий Гаврилович? – обратился Левич к высокому и толстому туристу в роговых очках, похожему на графа Пьера Безухова из романа Льва Николаевича Толстого «Война и мир». – Мороз нешуточный.

– А куда деваться, Натан Борисович, позвольте предложить вам вопрос ребром? – ответил густым красивым басом, деланно грассируя на французский манер, тот, кого Левич назвал Юрием Гавриловичем. – У нас в путёвках обозначен такой своеобразный маршрут: лыжное катание на Домбайской поляне. Хочешь не хочешь, а надо кататься. Некоторые оробевшие «горнолыжники» испугались и остались в палатах. Особенно после того, как что-то случилось с электрическим светом. Лампочки внезапно стали гореть вполне адекватно. А мы вот с Петрушей, – показал он широким артистическим жестом на маленького, плюгавенького, рыжего, конопатого – и девочками, – повёл он массивной породистой головой в легкомысленной лыжной шапочке в сторону девушек, среди которых он выглядел петухом, – решили пойти. Лучше уж замёрзнуть на лыжном склоне, нежели в палате.

– А что, бугель работает? – спросил Шувалов, обращаясь неизвестно к кому конкретно, посмотрев при этом пристально на одну из девушек.

Он знал, что бугельный подъёмник на небольшой горке позади альплагеря «Красная Звезда» работает, но задал этот вопрос не потому, что этого не знал, а с тем, чтобы себя обозначить, инстинктивно пытаясь привлечь к себе внимание приглянувшейся ему девушки. Андрей Николаевич не был завзятым ловеласом, но был молод, полон жизненных сил и любил женщин. Поэтому он машинально начал подготовительную работу, которая на языке любителей женщин называлась «бить клинья». Он прямо не рассчитывал на успех в амурном деле и понимал, что времени у него всё равно нет для решительных действий, но бил клинья просто так, по укоренившейся привычке, вдруг что-нибудь получится. Девушка, конечно, заметила обращённый на неё взгляд молодого мужчины, но сделала вид, что этого взгляда не заметила. За всех на вопрос Шувалова ответил всё тот же Юрий Гаврилович:

– Вчера работал. А как обстоит дело нынче, пока не знаем. В крайнем случае, продолжим изучать приёмы подъёма по склону, именуемые «ёлочкой» или «лесенкой». Зато вниз – на лыжах.

На этом встретившиеся в пути группы людей разошлись в разные стороны. Шувалов крикнул, обернувшись, удаляющейся вниз группе туристов:

– На мосту вас будет ждать засада! Берегитесь!

– Мы знаем, знаем! – весело откликнулась девушка, которую, как выяснилось позже, звали редким именем Наташа, и тоже обернулась игриво, чтобы посмотреть, как обернулся молодой мужчина. – У нас полно боеприпасов, – прокричала она удаляющимся голосом. – Мы в курсе, чем можно откупиться от «святой троицы». Нам это дело не в первой.

Левич возобновил своё нудное нытьё, которое он называл докладом:

– Григорий Степанович! Представляете, Лёха Липатов, механик с гидростанции, этот разгильдяй и пьяница, заморозил отводной канал. Всю ночь провозжался со своей шалавой бабой, сам наутро бабой стал. Напился, как свинья, и спяну опустил заслонку, вместо того чтобы её максимально отворить. И пустил воду в обход. Канал замёрз, турбины встали. Буквально, как мёртвые, честное слово. Пришлось срочно заводить старенький дизель. А он у нас давно на ладан дышит...

– Постой-погоди! – перебил Левича Лашук, в раздражении обронив губу. – Не части, как из пулемёта. Ты же мне сообщал недавно, что вы получили два новых дизель-генератора.

– Да, получили. Спасибо вам, Григорий Степанович, за заботу, век помнить буду. Но на них проклятые пломбы висят, и без представителя завода-изготовителя, в крайнем случае, эксперта электросетей, я знаю? мы не имеем возможности их снять. В противном случае теряем право на гарантийный ремонт, как дважды два. Это какой-то заколдованный круг, честное слово! Я уже отправил телеграмму-молнию в Пятигорск, чтобы приехал представитель электросетей. Улита едет, когда-то будет.

Путники выбрались на прямой участок дороги, лежавший в подбрюшьё горы Семёнов-баши. Вдали виднелся красивый, просмолённый олифой до угольной коричневой, деревянный корпус, сложенный из толстого бруса вековой лиственницы. Это был главный корпус турбазы называвшейся когда-то «Ксучьим домиком» (по принадлежности к Комиссии содействия учёным), потом «Белалакаей» по наименованию «полосатой» горы, где чередовались полосы темно-серых скал, сверкающего горного хрусталя и ослепительно белого снега. Потом «Солнечной Долиной» по неизбывной страсти к переименованиям. Корпус состоял из двух двухэтажных жилых строений с мансардами и балкончиками. Эти строения примыкали под тупым углом к восьмиугольной замысловатой ажурной башенке, накрытой сложной изломанной острроверхой кровлей, напоминавшей то ли буддийскую пагоду, то ли киргизскую шапку – всё говорило о необузданной фантазии архитектора. Шпиль башенки был устремлён в небо, временно занавешенное туманом.

Вскоре путники поравнялись с отдельно стоящим двухэтажным, обшитым потемневшим от времени тёсом, административно-хозяйственным корпусом. Здесь размещались службы, нужные для управления хозяйственной деятельностью турбазы и многопланового обслуживания туристов: кабинеты администрации, бухгалтерия, медпункт, почта, телеграф, пункт проката инвентаря, а также квартира директора турбазы. Этот корпус был построен давно, когда главного корпуса с башенкой в помине не было, и в этом старом здании сохранились печиголландки, которые топились раньше вкусными дровами или жирным каменным углём. После того, как в результате развития было проведено центральное отопления, печи стояли, скучные, без дела.

Главным фасадом, с миниатюрными балкончиками по верхнему этажу и полукруглым слуховым окошком на двускатной железной крыше, крашеной в зелёный цвет, ежегодно обновляемый, дом был обращён на запад. В сторону обширной травянистой поляны, где по проекту застройки должен был вскоре (через ряд лет) появиться стадион, с футбольным полем и трибунами. И нижняя станция маятниковой канатной дороги, призванной поднимать в движущемся по стальному канату вагоне туристов и лыжников на массивную, поросшую вековым

буковым лесом гору, на вершине которой торчал издревле чёрный скальный Зуб Мусатчери. Гору называли по-разному: кто Муса-Ачитара, кто Мусат-Чери, а кто просто Муса. Говорили, что с вершины Мусат-Чери в ясную погоду, когда воздух прозрачен, был виден Эльбрус с одной стороны и Чёрное море с другой. И немудрено: и туда и туда по прямой было всего по шестьдесят вёрст. Или около того.

Если смотреть с поляны вверх, в сторону Зуба, то можно заметить, что левый край леса прорезан широкой просекой, образованной сошедшей большой лавиной. Она остановилась прямо перед кладбищем, где были похоронены в разные годы погибшие при восхождениях альпинисты, тела которых их родные и близкие затруднились перевезти на родину. С тех пор просека стала называться кладбищенской лавиной. На горе Мусат-Чери, выше леса, открывались восхищённому взгляду необозримые снежные поля, по которым можно было, если туда добраться, прокладывать лыжные трассы любой сложности и любого раздолья.

Но сегодня, когда три путника остановились перед административным корпусом, ничего этого не было видно: ни горы, ни её Зуба, ни заснеженных альпийских полей, ни кладбищенской лавины.

Противоположный фасад, то есть задний, где находился вход в корпус и где стояли в некотором раздумье наши путники, смотрел на далёкий чернеющий Зуб Софруджу, что в переводе с карачаевского языка на русский означало «Клык тигра». Справа от него просматривалась небольшая снежная седловина, которая называлась перевалом Софруджу, хотя перевалом это место можно было называть с большой натяжкой или в шутку. Он был доступен технически только для подготовленных альпинистов, но никто не помнил, чтобы через этот перевал ходили хоть раз. Да и незачем было туда ходить. Он обрывался километровой стеной. Внизу просматривалось глубокое и дикое абхазское ущелье Чхалта с блестящей там серебристой ниточкой реки.

Кстати, давным-давно, ещё в нехорошее царское время, через гору Софруджу толковые инженеры-путейцы собирались пробить туннель для железнодорожного сообщения с Грузией, так как здесь находилось самое узкое место в теле Главного Кавказского хребта. Это позволило бы соединить Россию и Грузию ещё одним путём, помимо автомобильной и вьючной дороги через Крестовый перевал в Дарьяльском ущелье, которую постоянно в холодное время года перекрывали оползни и снежные лавины. Будто бы сохранились даже пожелтевшие от времени чертежи входного портала, а мосты на всём протяжении дороги от Черкесска до Теберды были построены из расчёта прохождения по ним поездов. Но великая пролетарская революция не позволила осуществиться этой прекрасной и опасной мечте.

Однако и этот красочный вид на Софруджу приходится отложить для живописания из-за тумана, что очень жаль для художника прозой, ибо все виды в Домбае сказочно красивы.

– А где твой, Натан Борисович, боевой заместитель Худойбердыев? – спросил у Левича Лашук строгим голосом. – Почему его нет с нами? Это непорядок. – Для такого маленького выговора была своя важная причина: Лашук знал, что столом для гостей командует именно Худойбердыев.

– Сей момент приедет, Григорий Степанович, – многозначительно ответил Левич. – Солтан выполняет одно маленькое и ответственное поручение. Специально в честь вашего приезда. Я его отправил в Теберду, и он должен вернуться с минуты на минуту. А покамест суд да дело прошу ко мне в дом малость обогреться. Вон и Андрей Николаевич совсем застыли.

– Да уж, холодновато, – признался Шувалов с зябкой усмешкой на посиневших устах. – Я – за, чтобы погреться.

Лашук поставил восклицательным знаком напряжённый палец в тёплой замшевой перчатке и сначала медленно, потом всё быстрее погрозил Левичу:

– Я тебя, Натан, насквозь вижу. Как рентген. От меня никуда не скроешься. Не помогут тебе никакие спецзадания. И Солтану твоему тоже не помогут. Понятно я излагаю свои мысли?

Пошли к тебе в кабинет. Как говорится, официальная деловая обстановка и без никаких там эквивалентов.

Левич замялся и смешно потоптался на месте, как пингвин на льдине в суровой Антарктиде:

– Григорий Степанович, виноват. Я свой кабинет под туристов отдал. Честное слово, столько желающих, в основном диких. Мест нет, везде битком, как сельди в бочке. А что делать, я знаю? Сезон есть сезон. Кабинет у меня дома. Зачем мне теперь две комнаты с женой?

На слове «теперь» Левич с тяжким вздохом сделал два ударения, показывая этим, как ему приходится нелегко справляться со своими служебными обязанностями.

– Знаете, Григорий Степанович, я здесь отбарабанил уже семь лет с гаком. Прикипел этому месту. А всё не могу привыкнуть к этой сумасшедшей красоте. Хочу всем её показать, чтобы люди навсегда сохранили память о Домбае. Мы все исчезнем, а Домбай – на века. Как поёт Юра Визбор, «мы навсегда сохраним в сердце своём этот край». – Последние слова Левич попытался пропеть, но закашлялся, как будто ему попала крошка в горло.

– Итак, так, – со вздохом произнёс Лашук чуть охрипшим голосом. – Вот, Андрей Михайлович...

– Николаевич, – поправил его Шувалов, демонстративно постукивая каблуками озябших полуботинок. На морозе они особенно звонко щёлкали, как норвежские деревянные башмаки сабо.

– То есть Николаевич, прошу прощения, – спохватился Лашук. – Как говорится, Натан неплохой директор, слов нет, напраслину врать не стану. Только есть у него один недостаток: носится он со своими туристами, как курица с малыми цыплятами. Или как дурень с писаной торбой – буквально. Хочет всем туристам зад вылизать. Ха-ха-ха! Ты не обижайся на меня, Натан, но, – он вновь изобразил пальцем восклицательный знак, – Платон мне друг, но истина дороже.

Левич вежливо покашлял, давая понять, что несколько не обижается и что крошка в его горле прошла.

Жена Левича, полная, дородная, упитанная, привлекательная дама, когда-то, судя по её живым карим глазам, очень красивая, а нынче из последних сил пытающаяся не увядать, с предательской морщинистой шеей и двойным подбородком, встретила вошедших радостным воплем:

– Боже! Кого я вижу! Григорий Степанович, какой сюрприз! Я так рада, нет слов. – Она схватила его за плечи, разглядывая. – Постарел, постарел, совсем седой стал. Но седина вам к лицу. Это так благородно и импозантно! Да, Гришенька Степанович, время летит неумолимо быстрой ладью. Я так вам рада! Вы себе не можете представить.

Во время бурного говорения дамы Лашук успел стянуть с рук перчатки, снял с головы свою пыжиковую шапку, опустил воротник и расстегнул шубу, улыбаясь глазами, и после церемонно приложился губами к пухлой ручке Левичевой супруги:

– Здравствуйте, Надежда Ефимовна, голубушка! Как говорится, с приездом к родным пенатам. А то Натан тут без вас совсем закис. Как фикус без полива. Вы всё такая же красавица, ни капельки не меняетесь. Скажу честно, я завидую Натану Борисовичу.

– Спасибо, Гришенька Степанович, на добром слове. Только скорей уж не с приездом, а с отъездом.

– Что так?

– А так, что я больше так не могу. Сил моих больше нету. Я понимаю Наташу – у него интересная работа. Он постоянно на людях, без конца занят. Дома почти не бывает. Но я ведь тоже живой человек. Со своими интересами и запросами. К тому же я женщина. И без внимания я вяну. Я всё должна ждать, ждать, ждать. Без конца ждать. От скуки здесь можно сойти с ума. Не могу же я в самом деле пойти работать судомойкой или официанткой. И потом: эти

бесконечные миллиарды, коньячки, преферанс до четырёх ночи, письма от каких-то сомнительных туристок – на всё на это времени у него хватает. А дом – это так, между прочим. Нет, нет, нет! Григорий Степанович, я решила вернуться в Ставрополь. Слава богу, четыре с лишним года я здесь отсидела – больше не могу, бог свидетель. Приехала забрать свои вещи.

– Успокойся, Надюша, я тебя умоляю. Не тараторь, пожалуйста, – попросил Левич супругу без всякой надежды на успех.

– Да проходите же, раздевайтесь, у нас тепло. Что вы стоите, как истуканы? – продолжала тараторить Надежда Ефимовна, не обращая внимания на мужа. – Боже! У нас даже повеситься негде. Наташа! Стыд какой! Неужели нельзя было что-нибудь придумать? Или сказать кому-нибудь. Я просто не понимаю. Без хозяйки дом сирота – истина, истина. Стоило мне на недельку отлучиться, как он тут всё изменил. Представляете, Григорий Степанович, он сделал кабинет в квартире. Вот в этой комнате, – показала она решительным жестом Владимира Ильича с трибуны съезда Советов, возвысив голос. – Сделать кабинет у себя дома! Я этого просто не понимаю. Отказываюсь понимать. Это мог сделать только он... Право слово. Мужчины, вы, наверное, совсем замёрзли. Молодой человек, раздевайтесь, кладите свою одежду на диван. Такой дикий холод! Тихий ужас! Наташа, что там у вас стряслось? Вы представляете, Григорий Степанович, они умудрились заморозить электростанцию. Как всё это ужасно! Такого мороза не было тыщу лет...

Голос её становился то низким и хриплым, то вдруг переходил в визгливый крик. По мере того, как странный голос её модулировал, блуждая в тембрах и тональности, Шувалов то широко раскрывал, то суживал изумлённые глаза, чуть прикрывая их поволокой. Раздеваться никто не стал.

– Да, – сказал Лашук, – в последнее время что-то там наверху, – он завёл глаза к потолку, вскинув мохнатые брови, – сломалось, не иначе. И годы пошли сплошь исключительной чередой. То снег небывалый, то вот, как говорится, мороз.

– Надюша, прости, у нас дела, – робко вставил Левич.

– Гос-споди! – возмутилась Надежда Ефимовна. – Можно подумать, что я вас задерживаю. В конце концов, я имею право голоса или нет?

Шувалов вздрогнул.

– Мадам, – промурлыкал Лашук, – ваш голос обворожителен, и вы, безусловно, имеете на это право.

Надежда Ефимовна махнула рукой – с мужчинами говорить бесполезно. Они нужны лишь для комплиментов.

Соседняя комната, ставшая по воле Левича кабинетом, куда с трудом проникли наши герои, поражала скромностью убранства. То ли хозяин был и впрямь на редкость неприятным человеком и не хотел выглядеть чинушей, то ли руки у него не доходили до вопроса обстановки. Простой письменный стол, с приставленным к нему столиком для посетителей; вешалка на стене; железный сейф, поставленный с таким расчётом, чтобы до него можно было легко дотянуться рукой, сидя за письменным столом; несколько стульев из разного набора; сбоку от стола корзина для бросовых бумаг. На письменном столе телефонный аппарат, настольная лампа под колпаком зелёного стекла, чернильный прибор в виде ракеты, высокий стакан с отточенными карандашами. На отдельном столике с гнутыми ножками графин с водой и пара простых стаканов, стоящих доньшками вверх на стеклянном подносе. На стене позади письменного стола портрет Владимира Ильича Ленина, читающего газету «Правда». С потолка на длинном шнуре свисала голая электрическая лампочка, покрытая пылью с мушинными точками.

В кабинете было тепло. Трое вошедших чиновников сняли с себя верхнюю одежду. Лашук занял главное место под портретом. Двое других уселись за столиком для посетителей.

Все покраснелись щеками и стали энергично потирать ладони, будто собирались выпить и закусить.

– Где же твой Солтан? – спросил Лашук, начиная терять терпение. – Время не ждёт.

– Сейчас. Сейчас придёт, Григорий Степанович. Я уже слышу его торопливые шаги, – ответил Левич. – Вот, не хотите ли новый «Огонёк»? Совсем свежий, только недавно получил. С пылу, с жару – ещё типографией пахнет. – Левич вкусно понюхал хрусткую, как тонкая жесьть, страницу. – Григорий Степанович у нас библиофил, – добавил он, обращаясь к Шувалову, – большой любитель чтения запоем.

– Это верно, – с видимым удовольствием подтвердил Лашук льстивые слова. – Не могу спокойно, как говорится, смотреть на печатное слово. Даже в уборной всякую бумажку обязательно прочту. Все глаза попортил, никак не соберусь близорукие очки себе заказать, плюс полтора. Всё недосуг. Антонину Коптяеву читали?

Шувалов отрицательно помотал головой.

– Зря. Советую. Сильно пишет.

– Натан Борисович, у вас нет случайно скрепок? – спросил Шувалов и, помолчав, добавил: – В вашем строгом кабинете.

– Скрепок? – не понял Левич, нахмурившись.

– Ну да, скрепок. Обычных канцелярских скрепок.

– Ах, скрепок! – почему-то обрадовался Левич. – Конечно, есть и вовсе не случайно. – Он суетливо порылся в ящичке письменного стола и извлёк оттуда картонную коробочку, чуть не просыпав из неё скрепки на колени Лашука. – Вот. Берите хоть всю.

– Зачем же мне всю? – возразил Шувалов. – Я, с вашего разрешения, возьму лишь несколько штук. – Он высыпал в карман горсть скрепок и одну из них разогнул, почувствовав некоторое облегчение, как наркоман, который долго терпел и, наконец, вколол себе в вену дозу героина.

– И вообще, – продолжил Левич, – я беру над вами шефство, пока вы обустроитесь. Так что не стесняйтесь, обращайтесь, буду всегда рад помочь. Кстати, питаться вы можете в нашей туристской столовой.

– Спасибо, Натан Борисович, вы очень любезны.

Прибежал запыхавшийся Солтан.

– А вот и я! – радостно сообщил он, лучезарно осклабившись.

– Всё успел? – негромко спросил Левич.

– Всё, как вы велели, Натан Борисович. Всё, ол-лай!

У Солтана был полон рот золотых зубов, как у цыганского барона. Это было вызвано не тем, что природные зубы его пришли в негодность, а тем, что это было красиво. Поэтому он не упускал случая похвастаться и постоянно улыбался. У него было красное лицо, будто он только что вышел из парилки, и невероятные жёлто-голубые глаза, хитро шурившиеся. От уголков глаз расходились добрыми лучиками морщинки, как цыплячьи лапки.

Герой романа Виктора Гюго «Человек, который смеётся» (его звали Гуинплен) тоже всегда улыбался, но он был изуродован злыми компрачкосами и скалил зубы против своей воли. А Солтан Худойбердыев улыбался по своей воле и очень заразительно. Как только он появился в кабинете Левича, всем тоже захотелось улыбаться. Все, кто плохо знал Солтана, думали, какой весёлый и приветливый человек. Но он был приветлив и весел только в кругу важных, с его точки зрения, людей. С теми же, кто был ниже его по рангу или не представлял для него интереса, он часто бывал несправедлив, груб, жесток и даже опасен. Тогда глаза его переставали светиться добротой и загорались нехорошим светом, как у разбойника с большой дороги. Большая опасность исходила от Солтана для молоденьких глупых девушек, которых он умел обольщать с коварным кавказским гостеприимством. Молодых туристок он называл тушканчиками молочно-восковой свежести.

– Издраствуйте вам, Григорий Степанович, товарищ пердседатель, салам-алейкум! С приездом вас! Ол-лай!

– Алекум-салам! – небрежно ответил Лашук. – Вот, знакомься, – показал он на Шувалова, – директор строительства. Наконец взялись за твой Домбай. Помогай!

Солтан с силой потряс руку Шувалову, не переставая улыбаться, и шепнул Левичу:

– Всё готово, Натан Борисович.

– Итак, так, – внушительно произнёс Лашук, тщетно пытаясь удержать нижнюю губу. – Дружба дружбой, а служба службой. – Он негромко, но решительно стукнул ладонью по краю стола, как будто лишал жизни муху. – За грязь в главном корпусе, за то, что заморозили гидростанцию, за пренебрежительное отношение к хлебу, народному достоянию, за кавказский колорит, который бродит где попало, и, как говорится, гадит на всех дорожках, – завхоз Худойбердыев получит строгий выговор и лишится тринадцатой зарплаты. А директор турбазы «Солнечная Долина» Левич получит пока «на вид». А то вы тут совсем мышей не ловите. Только на бильярде играете. Вот так. Возражения есть? Оправдания? Увёртки? – Лашук подождал немного. – Нет. Всё ясно. Как говорится, баба с возу, кобыле легче.

Левич развёл руками – что поделаешь, раз заслужили. Солтан согласно покивал, не переставая улыбаться.

– От вас, Григорий Степанович, и выговор получить приятно.

Лашук оттянул рукав на левой руке и привычно взглянул на часы:

– О! Уже почти четыре. Недурно бы закусить.

«Наконец-то!» – обрадовался Шувалов и разогнул скрепку в кармане, вновь почувствовав облегчение, будто груз свалился с плеч.

– Вы уже?! – визгливо вскрикнула Надежда Ефимовна, точно её укололи шилом в мягкое место, что ниже поясницы, называемой иногда талией. Она всплеснула полными красивыми руками.

– Мы скоро, Надюша. У нас тут небольшое совещание в главном корпусе, – быстро проговорил Левич без запинки.

– Знаю я ваши совещания, – скептически заметила Надежда Ефимовна, изобразив на лице кислую мину. – Григорий Степанович, у нас сегодня чай из самовара с вишнёвым вареньем. Чаепитие в Мытищах. Я вас жду непременно. И вы, молодой человек, приходите, – пригласила она Шувалова. – Обязательно приходите. Я вас всех буду ждать.

– Надежда Ефимовна, голубушка, как говорится, благодарю от всей души. И варенье моё любимое. Но мне нынче ехать.

Лашук давно сообразил, что из задуманного им небольшого отпуска с загаром и романтическими приключениями, под предлогом служебной проверки, ничего не выйдет при таком морозе, и принял решение срочно возвращаться восвояси.

– И слушать не желаю. Только через мой труп. Вы меня знаете. Ничего, завтра успеете.

Ш

В одной из дальних комнат туристской столовой, отделённой от общего зала глухой перегородкой, был накрыт обильный стол. Эта комната предназначалась для приёма особо почётных гостей, нечто вроде небольшого банкетного зала при ресторане. Поверх скатерти с неотстиранными жёлтыми пятнами была постлана глянцевая клеёнка с одним и тем же многократно повторяющимся изображением башенки главного корпуса турбазы на фоне вершины Белалая. Ах, сколько было потрачено сил Натаном Борисовичем,

чтобы заказать в Пятигорске такую клеёнку!

Лашук шумно потёр ладони и потрогал ими покрасневшие уши.

– Всё-ж-ки, как говорится, холодно, – сказал он, обронив губу.

– Сейчас, сейчас, товарищ председатель, дорогой Григорий Степанович, – многозначительно проговорил Солтан, продолжая необычайно приветливо улыбаться и освещая золотом своих зубов праздничный стол.

– Давай, давай действуй! – одобрил Лашук намерения Солтана. – Только учти, чтоб ни-ни! Никаких там разносолов. Как говорится, что туристам, то и нам. Знаешь, я этого не люблю.

– Мы это перкрасно знаем, товарищ председатель. И всегда хорошо помним. Честное слово, ничего особенного, слава аллаху. Что бог послал. Чем богаты, тем и рады.

– Садитесь, садитесь, Григорий Степанович. Андрей Николаевич, садитесь, – торопливо говорил Левич, суетливо расставляя стулья.

Солтан проворно достал, делая вид, что немного опасается наигранного гнева начальства, откуда-то из-под стола бутылку коньяка, умело ввинтил штопор в пробку, зажав бутылку меж колен, вытянул пробку, со звуком вытаскивания конём копыта из грязи, и стал разливать по гранёным стаканам хмельной напиток, похожий на крепко заваренный чай, вкусно булькая. При этом он игриво приговаривал:

– И раз. И два. И три. И четыре – самый раз, ол-лай.

– С морозца, Григорий Степанович, – поспешил вставить Левич.

– Армянский! – с удовлетворением отметил Лашук, поглаживая узкую бутылку, словно колено восточной красавицы.

«Хоть пожрать как следует, – подумал Шувалов, разгибая в кармане скрепку. – Надо не забыть про лыжи спросить»

– Я предлагаю тост, – торжественно начал Левич, стремительно вставая со своего стула, – за нашего председателя, за нашего дорогого гостя, Григория Степановича! Григорий Степанович, от чистого сердца. Без лести, без подхалимства. Честно. Клянусь вам всеми фибрами души.

– Зачем это? Почему? Нет. Так дело не пойдёт. Зачем ещё? – пробовал возразить Лашук, недовольно хмурясь, делая вид, что ему эти слова не по душе. – Что же это получается? Вроде как культ личности. А? Верно я говорю, Андрей Михайлович?

– Николаевич, – поправил его Шувалов, устало улыбаясь криво.

– Тьфу ты пропасть, прости господи! Извини, Андрей Николаевич! Память ни к чёрту. Как говорится, пенсионная. Нет, братцы мои. Куль, культ, культ! Это не дело, непорядок это. Так не годится. Прямо скажу, ни в какие ворота. Давайте лучше за успехи в работе и всё такое.

– Нет, нет, нет! – взвизгнул Левич. И весь потянулся к Лушаку через стол. – У нас теперь культа нет, Григорий Степанович, у нас теперь авторитет. – Он норовил всё стукнуть своим стаканом стакан Лашука, а тот очень ловко отводил руку, будто играл в кошки-мышки.

– По нашему кавказскому обычаю первый тост всегда за гостя. Такой закон гор. Нарушать закон никак нельзя, ол-лай, – поддакнул Солтан своему бравому начальнику. Его красное лицо налилось дополнительной кровью необыкновенного восторга, что сделало сияние его зубов червонным, будто над столом взошло солнце.

Шувалов молча приподнял свой стакан и послал исподлобья Лашуку приветственный взгляд, полный сарказма.

– Ну, ладно, – сдался Лашук. – Раз вы все заодно, я уступаю подавляющему большинству. – И, запрокинув голову, залпом осушил свой стакан, как будто пил водку.

Не дыша, он поискал на столе вилкой и подцепил солёный огурец, мокрый, лоснящийся, болотного цвета. Отгрыз кусочек-другой. Мутный сок брызнул на клеёнку и осел там каплями. Потянуло запахом сырой бочки, рассола, смородинного листа, укропа и чеснока. Лашук гулко шлёпнул губой и причмокнул, зажмурившись.

– Хорош, стервец! – похвалил он. – Всё-ж-ки, как говорится, французский коньяк против нашего армянского «пять звёзд» не устоит.

– Не устоит, Григорий Степанович, – подтвердил Левич, урча и разрывая руками кусок молодого барашка, просто сваренного в кипятке. С мяса на клеёнку по его рукам стекал то ли сок, то ли жир.

– Кюший, товарещ пердседатель, – сказал улыбчивый Солтан и подвинул блюдо с серыми колбасками-пузырями, ближе к Лашуку. – Кюший, кюшай! Свежий сохта. Перелесть! Объяде-нье!

– О! Это, признаться, я люблю. Прямо не в бровь, а в кровь! – с новой силой заурчал Лашук и вонзил большие жёлтые зубы в бараний желудок, наполненный чуть дымящимся пахучим ливером, источающим сумасшедший аромат, от которого кружилась голова.

– Действительно, очень вкусно, – произнёс Шувалов, пытаясь орудовать ножом и вилкой.

– Да ты руками, руками, Андрюша. Брось эти реверансы, честное слово. Руками оно значительно вкуснее, – посоветовал Левич и макнул кус разварившейся баранины в миску с тузлуком, от которого распространялся острый, возбуждающий запах чеснока и перца, заключённый в айране.

– Ол-лай! Слава аллаху! Наш народ – полукочевой народ, он привык кюшить руками... – начал было Солтан, сияя золотом зубов, но Левич незаметно толкнул его локтем в бок.

– Ты наливай, наливай! Каждый сверчок знай свой шесток.

Солтан приподнялся над столом и разлил оставшийся в бутылке коньяк по стаканам. Он не рассчитал и в последний (самому себе) налил заметно меньше, чем в остальные.

– Так не годится, Солтан, брат ты мой, – заметил Лашук. – Надо, как говорится, чтоб всем и каждому поровну.

Солтан расплылся в широкой улыбке, светя золотом зубов, и стал переливать из стакана в стакан, пока везде не стало одинаково.

Гладко причёсанная официантка в кокошнике и удивительно белом халате, на котором отчётливо были видны складки от глажения утюгом, внесла поднос «хохлому» с румяными круглыми лепёшками, похожими на большие ватрушки. В центре каждой лепёшки, на запёкшейся корочке мясного фарша, лежал и таял, растекаясь от сливочного счастья, щедрый кусок бледно-жёлтого масла.

– Эт-хычин, – объявил Солтан. И всем улыбнулся добро и грустно, будто Христос, явившийся израильскому народу для произнесения нагорной проповеди. – Это пироги с мясом. Бывают ещё с картошкой, тогда они зовутся просто «хычины».

Лашук взялся за стакан, внимательно его разглядел, словно увидел впервые. И облизывая жирные губы, сказал замедленно:

– Может быть, хватит, ребята? Мне всё-ж-ки как-никак ехать.

– Григорий Степанович, в машине всё проветрится, не беспокойтесь. Вас Стасик доставит в целости и сохранности, – заверил Левич Лашука.

– А водителя накормили? – рявкнул вдруг грозно Лашук. – Фронтная привычка, – прибавил он на полтона тише, обращаясь к сидящему рядом с ним Шувалову. – Первым делом, как говорится, позаботиться о водителе.

– Накормили, накормили, – успокоил его Солтан. – Но не так, чтобы оцень. – Он весело засмеялся. – Чтобы ваш Стасик не заснул за рулём.

– То-то, сказал Лашук.

– Вы воевали? – уважительно спросил Шувалов.

– Нет, Андрюша, друг мой ситный, не пришлось. Служил в военкомате. Но вот что я тебе скажу, дорогой товарищ: эта страшная война оставила на нашей стране такой неизгладимый след, что у всего нашего народа привычки – фронтные. Это не факт, но было на самом деле.

Лашук, взволнованный воспоминаниями о войне, тяжело поднялся, держа стакан в охмелевшей руке. Во время подъёма он, покачнувшись, задел задом стул. Солтан бросился было

подхватить его, но не успел, стул грохнулся на пол. Лашук обернулся с недоумением на лице: что за шум? – посмотрел через плечо на жалобно валяющийся стул и сказал небрежно:

– Нехай, пусть отдохнёт. Потом поднимешь, Солтан, когда я закончу говорить. – Он помолчал, вернувшись в исходное положение. – Я хочу сказать, – начал он произносить высокие, умные и торжественные слова, – наша великая страна, без конца и края, делает огромные успехи. Не покладая мозолистых рук. Назло всем этими «натам» и зазнавшимся америкосам. И всё такое. Спутники, ракеты, автомат Калашникова и так далее. Как говорится, здесь у нас, на Домбайской поляне, долго ничего такого не было, – он изобразил кистью руки неопределённый винтообразный жест. – Кроме необычайной красоты и редкой природы. А вот пришло время. Начинается большое строительство. Вот уже и директор есть. – Лашук посмотрел сверху вниз на Шувалова и положил ему ласковую руку на плечо. – Верно я говорю, Андрей Константинович?

– Николаевич, – поправил Лашука Шувалов. Уже с раздражением.

– Да что ты ко мне привязался со своими бесконечными замечаниями! – осерчал вдруг Лашук. – Пристал, понимаешь, как банный лист к жопе. Сам знаю, что Николаевич. Ну, ошибся, извини. С кем не бывает? Я хочу выпить, – продолжил Лашук, немного остыв от эмоционального взрыва, – чтобы наш хлебный край и вся наша необъятная страна, от края и до края, как поётся в песне, от южных гор до северных морей, партия наша родная и всё такое, процветала и крепла с каждым днём. И чтобы народ наш многострадальный жил счастливо и во здравии. И так далее. За то, чтоб успехи были в личной и общественной жизни. За всех присутствующих!

Все выпили. Кто залпом, кто смакуя обжигающий напиток.

– Ура! – коротко сказал Солтан. – Ол-лай!

От выпитого коньяка его широкое красное лицо обрело цвет спелой свёклы. Золотые зубы его тускло светились самородками. Праздничное настроение за столом росло и крепло. Лашук, с шипением проткнутой гвоздём автомобильной камеры, требовавшей срочного шиномонтажа, выпустил воздух из лёгких, закусил солёным огурцом, занюхал ржаным хлебом (фронтальная привычка) и набросился на эт-хычины.

– Вкусно! – сказал он. И спросил: – А туристов тоже так кормите?

– Бывает, но по праздникам, – признался Левич, утратив контроль.

– Ну, что ж, это правильно, – согласился Лашук, сильно потрянув опьяневшей головой. – А то ведь никаких денег не хватит. Экономика должна быть во главе угла, как говорится, на первом месте.

– Экономика должна быть экономной, – вставил Солтан. – Это факт.

– Да-а, – протянул Лашук грустно, – время бежит вприпрыжку. Его не остановишь. Это тебе не кляча какая-нибудь, а резвый мерин. Его только надо правильно заседлать. Вон Солтан, он знает. Потому что джигит. Я помню, как здесь, на Домбайской поляне, всё ещё только начиналось. В смысле её освоения. Никакой дороги сюда не было в помине. На моей памяти на ишаках добирались. Или пешком, на своих двоих. Завидую я тебе, Шувалов. Честное слово, завидую. От всего щедрого сердца, которому не хочется покоя. Размах, горизонт, фанфары и всё такое.

– Всё путём, Григорий Степанович. Построим. Я в этом уверен.

– Вы-то, скорее всего, построите, да мы-то этого не увидим. Нам бы с тобой, Натан, годков по двадцать скостить назад, тогда да, куда ни шло. А так – нет. Верно я говорю?

– Верно, Григорий Степанович, ой как верно, – ответил воодушевлённо Левич, польщённый высоким вниманием, наливая в стакан, из которого пил коньяк, шипучий боржом. – С врачом у меня запятая. Боже ж мой! За что, я знаю? Тот, прежний, пьяница, а эта – вертихвостка. Одни мужики у неё в голове. Глаза красивые, спору нет. Но ей они нужны не для того, чтобы больных лечить, а чтобы ими стрелять. Хочет подыскать себе богатого мужа известной

личности. У нас ведь тут всякие бывают: и академики, и режиссёры. – Вон какой совсем седой стал, – показал Лашук на свою потяжелевшую голову. – Есть люди, благородно седеют – с висков. А я, как говорится, сразу по всей башке занялся. Не успеешь оглянуться, как придёт она, костлявая, постучит костяшкой по темени и скажет: финита ля комедия...

Солтан воспользовался грустной минутой, нырнул под стол, достал оттуда ещё одну бутылку коньяка, торопливо выдернул пробку, предварительно пощекотав её штопором, и разлил по стаканам коньяк. Затем он очень торжественно поднялся и произнёс витиеватый кавказский тост:

– Дорогие дурузья! Наш горный народ – ошень гостеприимный народ. Наш край – ошень богатый край, самый красивый край. Я думаю, в хорошее место пылахой щеловек не приедет. Как этот скыромный бокал открыт горным вершинам, где парят орлы, так пусть и наши сердца будут открыты друг другу. С этим маленьким бокалом, но с большим чувством уважения и признательности я поднимаю свой стакан за наших дорогих гостей. Которые к нам приехали на Домбайскую поляну. – Солтан повёл своим стаканом в сторону Лашука и Шувалова, каждому из них почтительно кивнув, чтобы было понятно, кого он имеет в виду. – Пусть в вашей кипущей жизни будет удача, пусть всё будет хорошо и счастье. Пусть вы, Григорий Степанович, и вы, Андрей Николаевич, ваши родные, белизкие и дурузья не знают горя никакой. Пусть будет успех. И пусть мы не раз соберёмся за этим столом. Пусть будет мир во всём мире. Саулук ючун! Это по нашему, на карачаевском языке, значит: за здоровье.

Только после того, как Солтан всё это произнёс с самым серьёзным видом, он широко и всеобъемлюще улыбнулся, осветив стол сиянием своих золотых зубов, и стал похож на большого ребёнка.

– Выпьем, Андрюша? За нас! – подмигнул Лашук, скривив рожу лица хитрым юмором.

– Выпьем, Гриша! – весело ответил Шувалов, подмигнув навстречу.

Они чокнулись, немного пролив коньяк на скатерть. Выпили. Каждый по-своему: Лашук залпом, как водку, Шувалов – смакуя, размазывая коньяк по нёбу и вкусно причмокивая.

– Сейчас будет горящий шурпа и холодный айран, – сообщил Солтан значительно, как будто объявлял нечто крайне важное. – Голова сразу свежий станет. Как сытёклышко, ол-лай.

Лашук наконец опьянел по-настоящему и стал клевать носом. Он уже не мог постоянно притягивать свою нижнюю губу и водворять её на место.

– Ладно. Шут с вами, – проговорил он, преодолевая естественные речевые затруднения, едва ворочая языком, раздирая отяжелевшие веки с помощью бровей и морщин на лбу, – выговор вам не будет. Снимаю. Пока. – Левич подмигнул Солтану: дескать, всё хоккей. – Но только – цыц! У меня. Чтоб, как говорится, последний раз. К этому живо-трепещущему-ся вопросу всегда можно вернуться. Несмотря ни на что. Подобное.

Лашук уронил голову и подремал, всхрапывая. Потом очнулся, обвёл мутными глазами собутыльников, клюнул носом и пошлёпал губой.

– Ты на меня, Наташа, не обижайся. Я сам в твоей шкуре ходил. Четыре года отрубил. Как одна копейка. Всё знаю. Всё на себе испытал. Но работа есть работа. А насчёт врача я подумаю. Дам тебе врача. Вот такого, – показал он кулаком с большим пальцем кверху. – Мужчину! Сказал – значит дам. Потерпи маленько. Но ты сам кончай буквально со своими туристами. Понял? Что ты всё заладил: туристы, туристы! Сам знаю, что туристы. Порядка нет – вот главное. Почему дороги не чищены? Почему везде тухлой капустой воняет? Как в сортире. Я тебя спрашиваю. Почему сегодня в столовой два вторых? Надо три. Я тебя спрашиваю.

– Стараемся, чтобы вкуснее было, Григорий Степанович. И калорийней. За ту же цену, клянусь мамой, – ответил Левич, начав вдруг красиво картавить. На этот раз сильнее обычного.

– Вот, вот, вот! – Лашук поставил перед своим носом указательный палец. – Вот ты и попался. Наташка. Сколько раз я ему, Андрюшка, повторял, главное – количество. Заладил: кара... карала-рийность! Где там разберёшь? Каларийность – маларийность. Я считаю, пока

человек голодный, ему никакие Карлы Марлы не нужны. Пустое брюхо к ученью глухо. И никакие горы, никакие лыжи ему тоже не нужны. Надо каш и лапши побольше. Горох, фасоль. И хлеб. Хлеб это основа основ. Чтоб от пуза. А ты его разбазаривать разной животине. Ясно? То-то и оно... Какой нынче кон... тинент?

– В основном и целом студенты, Григорий Степанович. Каникулы. Им главное, чтоб подъёмник на лыжной трассе работал. Есть и прочие: инженера, служащие. И конечно, профессура разная. Академик Неделя, например. Занятная личность. Голова! Профессор Брюханов вчера приехал. Интересные люди. Послушать их – заслушаешься. И знают много, и говорить умеют.

– Смотрите, чтоб только жалоб не было. Как говорится, каждый полотенец должен... должен быть на своём месте. За жалобы головы поснимаю. И кажу, шо так и було. Ха-ха-ха!

– Ол-лай! Это мы понимаем, – сказал Солтан.

– Да-а, – протянул Лашук, мечтательно улыбаясь и суживая пьяненькие глазки, которые обволакивались слезливой радостью и вожделием. – Я так и решил про себя: не иначе как студентки. Такие молоденькие розовые поросятки. Есть хороши, право слово. Тут мне одна попала на глаза, когда мы шли по коридору. Не заметил, Андрюша, друг ситный? Ух, хороша! Высокая, стройная, куда там. Как адми... лартейская игла. Фигуристая – жуть! Будто у ней в брюках сзади две спелые дыни «колхозница» запханы. Так бы и ущипнул её за попку. Ха-ха-ха!

– А что, Натан Борисович, – спросил внезапно Шувалов, – можно будет у вас лыжи достать? – Видно было, что он долго готовил этот вопрос.

Ответа не последовало. Погасла лампочка, в банкетный зал заполз тихой сапой сумрак. Потянуло холодом. В дверном проёме возник, будто призрак, Лёха Липатов, моторист из застывшей МГРЭС. Он был одет в промасленную телогрейку, ватные штаны, валенки и шапку-кубанку, надвинутую на уши. Чуб, опалённый инеем, торчал наружу. Лёха, обтирая руки ветошью, произнёс хриплым злым голосом:

– Покуда вы тут панствуете, у меня старый дизель сдох.

– Как это сдох? – не понял Левич.

– Вы что, Натан Борисыч, не знаете, как дохнут старые дизеля? Шайба полетела к чёртовой матери,

– Какая ещё шайба! Ты пьян? Окстись!

– Хрен её знает, какая! Не заводится, хоть тресни.

Возникла пауза, как в последней сцене «Ревизора» Гоголя.

– Я так и знал, – тихо прошептал Левич, швырнув с ожесточением на стол вилку, как будто она одна была во всём виновата. – Одна беда не ходит.

Солтан побледнел и перестал улыбаться. Лашук неожиданно протрезвел и молчал, словно делал нелёгкое дело. Это он умел. Вид у него был сосредоточенный и вместе с тем отрешённый. Стало слышно, как далеко, в альплагере «Красная Звезда», затарахтел движок. Шувалов в растерянности разогнул в кармане скрепку и не придумал, что сказать. А что тут скажешь? Авария. И этим всё сказано.

IV

Строго говоря, на Домбайской поляне два альпинистских лагеря. Есть ещё один (где метеостанция), о котором упоминалось в прологе-прелюдии к этой незамысловатой повести, но до него ещё семь вёрст киселя хлебать. Тогда, спрашивается, какое отношение он имеет к Домбайской поляне? А такое, что в горах всё кажется рядом, а на самом деле далеко. К примеру, перевал Софруджу, куда я ходил вместе с замечательным альпинистом Юрой Губановым (погибшим потом в лавине). Вроде вот он, рукой подать. Ан нет, пришлось ночевать в палатке на Медвежьей поляне посреди горы и всю долгую холодную ночь ощупывать рёбрами острые камни.

Итак, два. Один летний, с домиками без отопления и стационарными палатками – целый городок. Другой круглогодичный, с домиками покрупней (тоже деревянными) и с печным отоплением.

Летний лагерь назывался, не мудрствуя лукаво, «Домбай» и находился у подножия горы Семёнов-Баши, справа от турбазы «Солнечная Долина» и густой купы огромных чинар, в низинке, на вырубленной когда-то поляне, почти всегда освещённой солнцем. Зимой в лагере зимовал зимовщик, который караулил лагерное добро. Против злых людей, любивших шастать по ночам, у него была берданка. Но никто никогда не слышал, чтобы берданка эта хоть раз стрельнула. Она служила зимовщику для осознания своей вооружённости. Ему от этого осознания было спокойней и не так страшно. И ещё берданка нужна была для остротки, вдруг кто-нибудь забредёт. Всегда можно было крикнуть: «Стой! Кто идёт? Стрелять буду!». В домике, где жил зимовщик, была печка-буржуйка, выходящая трубой в окно. И дальше, через железное колено, вверх, выше крыши. Хорошая печка. Накормишь её сухими, ладно колотыми дровами, она закраснеет от радости, словно красная девица, разгорится сине-жёлтым пламенем, аж гудит. Жарко делается, никакой мороз не страшен.

В альплагере «Домбай» был открытый плавательный бассейн, с лесенкой вниз; по ней можно было спускаться в ледяную воду постепенно, а не плюхаться, как дельфин, чтобы не заходило сердце. В зимний период всю территорию альплагеря заносило снегом сплошь. И бассейн тоже. А как к летнему сезону снег тает, бассейн чистят, лесенку обновляют свежей масляной краской и заполняют ванну бассейна водой, качая её насосом из реки. Вода в реке чистая, как слеза, пока не пойдут потоки с гор. А в бассейне она всегда тёмная, как в омуте, и никогда не прогревается, хоть солнце печёт изо всех сил. И плавают в таком бассейне только закалённые люди. Да и те ухают и фырчат, будто в крещенской иордани.

Лагерь относился к Всесоюзному добровольному спортивному обществу (ВДСО) «Буревестник», но управлялся почему-то человеком из Комитета госбезопасности (КГБ). Начальник лагеря жил преимущественно в Черкесске, а в Домбае появлялся редко, внезапными наездами. Его звали Кады Юсупович, а фамилия у него была редкая, но занозистая: Хуйбиев. Ему не раз толковали в обкоме: ты мол фамилию-то малость подправь. Куда там! Пыхнет, как порох. Мой прадед, говорит, носил эту фамилию, мой дед её носил и мой отец. Почему же я должен её подправлять? Горячий народ карачаевцы, шибко гордый. Лучше его не трогать, от греха подальше. Если его обидеть, можно кинжал получить в живот либо меж рёбер и даже впоследствии серию кровной мести. Кады Юсупович был человеком незлобивым, но все его боялись и называли, таясь, «кэгэбэшником». У нас к этому главному виду войск отношение всегда сложное: показное смирение и смертельный страх.

Изредка в Альплагере «Домбай» приезжал Председатель Совета Министров СССР Косыгин Алексей Николаевич. Он приезжал, конечно, не с пустой проверкой, как это делал Лашук Григорий Степанович, а просто отдохнуть недельку от государственных дел. Его сопровождали три охранника под видом альпинистов. Когда он совершал походы по маршрутам, один из охранников шёл впереди на приличном расстоянии, два других на таком же расстоянии – позади. Приезжал Косыгин всегда осенью, когда Домбайская поляна особенно хороша.

Воздух прозрачен, прохладен и чист, дышится легко и радостно. Солнце светит ярко, уютно, ласково и греет, как летом. На голубом небе ни облачка. Горы похожи на волшебных гигантских животных, замерших в собственном величии. Вот Домбай-Ульген, убитый зубр. Вот Джугутурлючат, здесь пасутся туры. Вот Бу-ульген, мёртвый олень. Вот Зуб Софруджу, клык тигра. Снег сверкает ослепительно, без тёмных очков не стоит смотреть, можно даже на время ослепнуть, тогда придётся прикладывать к закрытым векам испитой чай, говорят, будто это помогает. Тени всюду чистого тона: голубые так голубые, синие так синие, розовые так розовые. Пишешь горный пейзаж мастихином, не смешивай краски, бери живую, выдавливая

её из тюбика, как зубную пасту, и смело накладывай на холст с подсохшим подмалёвком. В случае чего за одного из Рерихов сойдёшь

А как красив осенью лес в Домбае, боже ж мой! Среди тёмно-зелёных, филовых и лиловых массивов пихт, елей, сосен, будто вспышки пожара, ярко-жёлтые, красные, оранжевое купы клёна, бука, граба, берёзы. И вода в реках пока ещё прозрачная, то зелёная, то синяя, то чёрно-белая. Бери удочку, ступай на берег и лови форель. Словом, осенью в Домбае – рай. Сказка, и жить хочется.

Косыгин совершал походы на поляну Лии. И дальше, к Чучхурским водопадам. И выше водопадов, где цветут целые поля чёрных и лиловых тюльпанов. Поднимался к Зубу Мусат-Чери и спускался по крутой тропе через зарастающую густым подлеском просеку кладбищенской лавины. Когда заканчивался его короткий отпуск, его перевозили на присылавшихся из Ставрополя автомобилях по ущелью Гоначхир к Северному приюту. Здесь он смотрел в задумчивости на синее, то вдруг болотно-зелёное, то блёкло-серое озеро внизу. Может быть, здесь в первозданной тишине, он обдумывал свои реформы, которым так и не суждено было сбыться. От Северного приюта он шёл через Клухорский перевал до Южного приюта. Там его встречали охранники из Грузии и везли в Сочи, откуда он вылетал в Москву.

Однажды приехал Косыгин в альплагерь «Домбай» с Мухитдиновым, чтобы вместе пройти через Клухорский перевал, вдвоём всё же веселей и не так скучно. Вышел он утром, до завтрака, прогуляться по лагерю. Никто его не признаёт. На портретах он всегда при галстукке, причёска бобриком, глаза строгие, смотрят прямо на тебя. А тут – рубашка-ковбойка с распахнутым воротом, туристский костюм из брезента защитного цвета, высокие отриконенные ботинки, пробковый шлем, тёмные очки. И зашёл он невзначай на бетонную полосу в виде дорожки, окаймляющей бассейн. Дежурный по лагерю заметил, как заорёт:

– Ну ты, мудила стоеросовая, куда прёшь в триконях на край бассейна? Совсем сдурел?

Косыгин сразу стушевался, руками показывает, что он всё понял касательно нарушения им порядка и отвечает застенчиво, но твёрдо:

– Виноват, загляделся, прошу меня извинить.

Дежурный видит, что мужик вроде ничего, не нахальный такой, вежливый, обходительный, и говорит ему снисходительно:

– Ладно, отец, вали отсюда. Пока цел

И Косыгин сразу ушёл в дом завтракать.

Когда, уж после, дежурному кто-то растолковал, кого он безбожно костерил и обозвал матерным словом, тот дар речи потерял. Всё ждал, когда за ним придут, чтобы его посадить. Но никто его пальцем не тронул.

Зимовщики в лагере постоянно менялись: нынешней зимой один, на другую зиму другой. По научному такая текучесть наёмников называлась «ротация кадров». Начальство (ему видней) думало, что сторожа будут лучше стараться без привычки к одному месту. Работа не пыльная, однако, временная. А русский человек он такой: ежели к одному месту прикипит, начинает лениться. У него мысли появляются, кабы чего-нибудь стибрить. Нужно для личного употребления. От него этому и горные люди научились.

Обедать зимовщик ходил на турбазу «Солнечная Долина», по договоренности с директором Левичем Натаном Борисовичем. С обеда идёт, пару ломтей хлеба с собой прихватит. Не то чтобы ему не хватало, а как не взять, ежели он свободно лежит на столе в тарелке – ешь, сколько влезет.

Если зимовщики менялись, то начальник лагеря всё один, Кады Юсупович Хуйбиев, уже седьмой год пошёл, как он служил на одном и том же месте. Проверенный, надёжный, никогда себе ничего. Ему про тот случай с Косыгиным никто словом не обмолвился. Он так ничего и не узнал, хотя «кэгэбэшник». А то запросто могли дежурного того посадить в места не столь отдалённые. Обошлось на этот раз, всё шито-крыто.

Вот, значит, какая занятная история случилась в альплагере «Домбай».

Не менее занятная история случилась в другом альплагере, который был упомянут как круглогодичный. Вот она, читатель, бери её скорей.

Этот лагерь назывался «Красная Звезда» и находился на противоположной стороне Домбайской поляны, у подножия горы Мусат-Чери, на взгорке. Между обоими лагерями, немного наискоски, был протянут подвесной мост через реку Аманауз, питавшую энергией падающей воды турбины Домбайской МГРЭС. Это ещё до того, как Лёха Липатов заморозил спянку обводной канал. Лагерные домики были частично зимние, частично летние. В зимних были печи. Из труб от них, пронизывающих железные кровли, зимой валил белый дым. Он поднимался столбом, потому что Домбайская поляна славилась редким безветрием. Про колдовскую красоту окружающих гор и говорить нечего, это всем известно.

По территории лагеря протекала речка Домбай-Ульген, скорее, не речка, а крутой бурливый ручей, который при желании можно было перепрыгнуть, но это не обязательно, потому что там и здесь были переброшены пешеходные горбатые мостки с шаткими перилами. Ручей протекал через трубу под дорогой и обрывался в реку Аманауз, образуя небольшой водопад, который назывался «девичья коса».

Для отопления лагерных домов, рядом со столовой, громоздилась огромная поленница дров. Дрова заготавливались альпинистами, и эти упражнения включалось в тренировочный процесс их физической подготовки. По заявке администрации лагеря, из Теберды приезжали лесники заповедника, обходили густой хвойный лес на Пихтовом мысу и заросли толстого бука по крутым склонам Мусат-Чери, находили сухостой и делали отметки-зарубки. Это называлось санитарной вырубкой. Альпинисты радостно пилили гигантские деревья двуручной пилой и острили, что они якобы на лесоповале в лагере для заключённых. Потом одна бригада распиливала поверженных гигантов на чурбаки, другая лихо раскалывала эти чурбаки на поленья, которые затем переносились на пополнение поленницы. Она всегда была полна.

Начальником лагеря много лет подряд был Виктор Викентьевич Вахнин. У него была неестественно большая голова, с широким выпуклым лбом, что придавало ему вид чрезвычайно умного человека, хотя в действительности он таковым не был. Заурядная личность, говорили о нём альпинисты, и прозвали его «Тривэ». Жена от него ушла, ей надоела жизнь без городских удобств и отсутствие любовной страсти у мужа. А он не представлял своей жизни без гор. Когда-то в юности он занимался альпинизмом, но особых успехов не достиг, зато хорошо разбирался в тонкостях альпинистского быта. Поэтому стал начальником. Второй раз он не женился, но сильно тосковал по семейной жизни. Тогда он завёл себе собаку. Собака была не простая, она была помесью немецкой овчарки и волка. Он ездил за ней аж в Баксанское ущелье и отвалил за неё кучу денег. Звали её Пальма. Имя для волка не совсем подходящее, но она на него откликнулась, поэтому менять его Виктор Викентьевич не решился. Точнее счёл это нецелесообразным. Красивая была собака: уши торчком, хвост поленом, мех грязно-белый, с чёрной полосой вдоль холки, глаза жёлтые, лучше в них не смотреть. Виктор Викентьевич был от неё без ума, держал её всегда на привязи и всё ей позволял. Ночевала она в доме и залезала на постель, а Виктор Викентьевич боялся её согнать. И спал отдельно, на кушетке. Кормил он её мясом, которое брал в столовой.

Однажды Пальма перегрызла ременный поводок, которым была привязана к крыльцу, и бросилась на проезжавшую мимо машину, привозившую хлеб из Теберды, приняв её, видно, за незнакомого ей страшного зверя. Лаять она не умела, поэтому нападение было совершено в хищном молчании, с оскалом страшных зубов. И попала под колёса. Ей переломало обе передние лапы, и она едва доползла до дома, оставляя на снегу кровавый след. И забилась под крыльцо. Виктор поиграл желваками, взял ружьё. Когда он, присев на корточки, заглянул под крыльцо, Пальма всё поняла и завыла по-волчьи. Виктор горько заплакал, грохнул выстрел, вой оборвался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.